

ПОСЛѢДНІЙ ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ М. В. РОДЗЯНКО.*

(10 февраля 1917 года.)

14 февраля предстоитъ возобновленіе занятій Государственной Думы, поэтому позволѣте мнѣ, Государь, высказать мои соображенія о линіи возможнаго ея поведенія и мотивировать его.

Одиннадцать лѣтъ существованія Государственной Думы и одиннадцать лѣтъ непрерывной борьбы между правительствомъ и тѣми, кто отстаиваетъ новый конституціонный строй.

Въ первый періодъ русской жизни при новомъ строѣ бюрократическое правительство имѣло значительное количество сторонниковъ. Въ то время правительство, поддержанное значительнымъ большинствомъ, имѣло основаніе своего критическаго отношенія къ Государственной Думѣ перваго и втораго созывовъ, такъ какъ разногласіе между правительствомъ и народными представителями касалось коренныхъ вопросовъ и, кромѣ того, со стороны народного представительства было предъявлено требованіе отвѣтственнаго министерства, какъ слѣдствія, вытекающаго изъ манифеста 17 октября.

Необходимо, тѣмъ не менѣе, отмѣтить, что этотъ лозунгъ раздался послѣ того, какъ правительство выступило въ Государственной Думѣ съ отвѣтомъ на всеподданнѢйшій адресъ въ агрессивномъ тонѣ.

Далека отъ этихъ стремленій была Государственная Дума третьяго созыва, и еще менѣе заслуживаетъ этого упрека Государственная Дума нынѣшняго созыва, которую война заставила отказаться отъ всякихъ партійныхъ лозунговъ и программъ. Ея единственной цѣлью было объединеніе всѣхъ силъ для успѣшной борьбы съ врагомъ.

Въ то же время правительство испугалось этого могучаго общественнаго порыва, видя въ немъ стремленіе къ захвату власти, и въ цѣляхъ предотвращенія этого, не только не постаралось использовать этотъ общественный подъемъ, но всячески стремилось погасить его.

Этимъ способомъ, который имѣлъ свои реальныя послѣдствія, въ смыслѣ разстройства нашего тыла, правительство съ каждымъ днемъ утрачивало своихъ сторонниковъ и въ настоящее время оно насчитываетъ ихъ отдѣльными единицами. Образовалось два лагеря — на одной сторонѣ правительство и на другой сторонѣ страна.

Война показала, что безъ участія народа страной править нельзя.

Въ тяжчайшее время нашихъ военныхъ испытаній (отходъ нашихъ войскъ изъ Галиціи) пришлось прибѣгнуть къ содѣйствию народныхъ представителей. Дума сумѣла поддержать бодрость духа и возбудить общественную самодѣятельность до степени тѣхъ результатовъ, которые достигнуты въ дѣлѣ снабженія арміи.

* Настоящій докладъ является частью матеріала, собраннаго учрежденной Вр. Правительствомъ «Чрезвычайной комиссіей для разслѣдованія противозаконныхъ по должности дѣйствій бывшихъ министровъ». Онъ былъ отпечатанъ въ вышедшей въ 1921 г. въ Петербургѣ книгѣ Александра Блока «Послѣдніе дни императорской власти». — Прим. ред.

Эта заслуга Государственной Думы была учтена страной, эту заслугу почувствовала и оцѣнила армія, которая и въ настоящее время чутко прислушивается ко всему, что происходитъ у насъ въ тылу.

Мы подходимъ къ послѣднему акту міровой трагедіи въ сознаніи, что счастливый конецъ для насъ можетъ быть достигнутъ лишь при условіи самаго тѣснаго единенія власти съ народомъ во всѣхъ областяхъ государственной жизни. Къ сожалѣнію, въ настоящее время этого нѣтъ, и безъ коренного измѣненія всей системы управленія быть не можетъ. Это убѣжденіе не только насъ, членовъ Государственной Думы, но въ настоящее время это убѣжденіе и всей мыслящей Россіи, ибо недовѣріе правительства къ общественнымъ силамъ, ревнивое и недоброжелательное отношеніе къ нимъ и умышленныя препятствія, чинимыя въ ихъ энергичной патріотической работѣ, естественно не могутъ вселить въ странѣ довѣріе къ такому правительству и служить залогомъ счастливаго окончанія войны.

Россія объята тревогой, эта тревога не только естественна, но и является совершенно необходимой. Она вылилась въ многочисленныхъ резолюціяхъ, извѣстныхъ уже Вашему Величеству. Къ Вамъ неоднократно допоспала мольба о томъ, что надо спасать отечество, которое находится въ опасности исключительной, вслѣдствіе коренного разногласія между народомъ и правительствомъ и взаимнаго ихъ непониманія другъ друга.

Мы видимъ, какъ во время войны перестроилась власть соотвѣтственно съ требованіями момента у нашихъ союзниковъ, и какихъ огромныхъ результатовъ достигли они этой мѣрой. Что же въ это время дѣлаемъ мы? Въ то время какъ вся Россія сумѣла сплотиться воедино, отбросивъ въ сторону всѣ свои разногласія, правительство въ своей средѣ не сумѣло даже сплотиться, а единеніе страны вселило даже въ него страхъ. Оно не только не измѣнило своихъ методовъ управленія, но и вспомнило свою старую, уже давно отжившую систему. Съ прежней силой возобновились аресты, высылки, притѣсненія печати. Подъ подозрѣніемъ находятся даже тѣ элементы, на которыхъ раньше всегда опиралось правительство, подъ подозрѣніемъ вся Россія.

Создавшееся соединеніе правительство стремится разрушить. Запрещая дѣловые съѣзды всевозможныхъ общественныхъ организацій, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшаетъ съѣзды, такъ называемыхъ, монархическихъ организацій, очевидно, съ спеціальною цѣлью возбудить партійный раздоръ.

Неужели же этими мѣрами можно достигнуть благополучнаго конца? Неужели же эти мѣры могутъ измѣнить настроеніе и успокоить тревогу? Мѣры эти оскорбительны и являются ничѣмъ инымъ, какъ вызовомъ обществу, а, слѣдовательно, и результаты ихъ будутъ совершенно обратные. Раздраженія, внесенныя въ слои населенія, будутъ усугубляться по мѣрѣ того, какъ самыя мѣры, принимаемыя правительствомъ въ этомъ отношеніи, становятся все болѣе крутыми. Этимъ правительство окончательно подрываетъ свой авторитетъ.

Этого авторитета у правительственной власти уже нѣтъ, и бюрократическому правительству не удастся его болѣе приобрѣсти послѣ печальнаго и неудачнаго опыта править страной въ тяжелыя годы ея существованія, не умѣя приспособляться ни къ нуждамъ, ни къ настроенію страны.

Я съ горечью долженъ отмѣтить, что тревога эта передалась нашимъ союзникамъ послѣ того, какъ делегаціи имѣли возможность воочію убѣдиться въ справедливости причинъ, вызывающихъ нашу тревогу.

Чувствуя возможность приближенія окончанія войны, тревога наша усиливается, такъ какъ мы сознаемъ, что въ моментъ мирныхъ переговоровъ страна можетъ быть сильна въ своихъ требованіяхъ только при условіи, когда у нея будетъ правительство, опирающееся на народное довѣріе. Безъ этого условія на этой конференціи нашъ голосъ будетъ слабый, и мы не сможемъ пожать тѣхъ плодовъ, которые достойны будутъ принесенныхъ нами жертвъ.

Эта наша тревога усугубляется еще тѣмъ, что разстройство тыла угрожаетъ намъ возможностью безпорядковъ на почвѣ продовольственной разрухи, которые, конечно, нельзя будетъ прекратить силою оружія.

Уже многое испорчено въ корнѣ и непоправимо, если бы даже къ дѣлу управленія были привлечены гении. Но, тѣмъ не менѣе, смѣна лицъ и не только лицъ, а и всей системы управленія, является совершенно настоятельной и неотложной мѣрой.

Хотя, какъ я указалъ, новыя лица не смогутъ много исправить и многое наладить, но, тѣмъ не менѣе, вѣра населенія въ нихъ дастъ увѣренность, что все возможное въ этомъ отношеніи дѣлается, и эта вѣра будетъ стимуломъ къ болѣе терпѣливому отношенію къ тѣмъ тягостямъ жизни, въ значительной долѣ коихъ повинно правительство послѣднихъ лѣтъ.

Переходя къ предстоящимъ работамъ Государственной Думы, если они будутъ имѣть мѣсто при прежнихъ условіяхъ, мы должны обратить вниманіе на ту программу работъ, которую въ этомъ отношеніи намѣчаетъ правительство.

Всѣ вопросы, связанные съ войной, оно разрѣшаетъ самостоятельно. Что же оно вноситъ въ Думу? Оно заваливаетъ ее безсистемно законопроектами, имѣющими отдаленное значеніе для мирнаго времени.

Въ предвидѣніи возможной рѣзкой критики своихъ дѣйствій, правительство, устами Предсѣдателя Совѣта Министровъ, обращается къ Предсѣдателю Думы съ заявленіемъ о томъ, что мы должны употребить героическія усилія, дабы сохранить спокойствіе. Развѣ эти слова не свидѣтельствуютъ сами по себѣ, что условія нашей жизни не таковы, чтобы можно было соблюсти это спокойствіе? Рекомендуя намъ употребить героическія усилія, въ свою очередь, правительство не желаетъ употребить даже малѣйшихъ усилій для того, чтобы сдѣлать нашу работу спокойной.

Государственная Дума высказывала уже не разъ свое отношеніе къ моменту и отъ этого отступить не можетъ.

Къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ не только ничто не измѣнилось къ лучшему, а наоборотъ. Правительство все ширитъ пропасть между собой и народнымъ представительствомъ. Министры всячески устраняютъ возможность узнать Государю истинную правду. Развѣ не характерно въ этомъ отношеніи поведеніе военнаго министра, который даже отказалъ доложить Вашему Величеству просьбу членовъ Особаго Совѣщанія? Развѣ возможна общая работа съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, котораго товарищъ его по делегации уличаетъ въ преднамѣренной лжи и который не находитъ нужнымъ такъ или иначе оправдаться? Развѣ возможна совмѣстная работа съ этимъ министромъ, который въ опьяненіи своей властью распространяетъ слухи о томъ, что имъ помимо Думы будутъ разрѣшены еврейскій и аграрный вопросы, — который, въ то время когда посредствомъ рабочихъ депутатовъ въ Военно-Промышленномъ Комитетѣ удается сдерживать на фабрикахъ и заводахъ, работающихъ на дѣло обороны, волненія, публикуетъ правительственное сообщеніе, въ которомъ опорочиваетъ всю ихъ дѣятельность, весьма полезную, и указываетъ на то, что эта дѣятельность была направлена исключительно на созданіе революціи. Онъ грозитъ нашу тревогу подавить пулеметами, онъ усиленно прибѣгаетъ къ арестамъ и высылкамъ, онъ, какъ никогда, стѣснилъ печать. Если такого рода цензура будетъ примѣнена и къ стенографическимъ отчетамъ Государственной Думы, то это, несомнѣнно, снова породитъ тѣ же уродливыя явленія, которыя имѣли мѣсто ранѣе. Будутъ появляться апокрифическія рѣчи членовъ Государственной Думы возмутительнаго содержанія, что уже имѣло мѣсто, и раздаваться чьей-то невидимой рукой въ населеніе и въ армію, подрывая авторитетъ законодательнаго учрежденія, этого единственно сдерживающаго въ настоящій моментъ центра.

Государственной Думѣ грозитъ роспускомъ, но вѣдь она въ настоящее время по своей умѣренности и настроеніямъ далеко отстала отъ страны. При такихъ условіяхъ роспускъ Думы не можетъ успокоить страну а если въ это время, не дай Богъ, насъ постигнетъ, хотя бы частичная, военная неудача, то кто же тогда подниметъ бодрость духа народа?

Кромѣ того страна должна быть увѣрена, что во время мирной конференціи, правительство должно имѣть опору въ народномъ представительствѣ. Намѣненіе состава народныхъ представителей къ этому времени, при полной неизвѣстности, какіе результаты можетъ дать эта мѣра, представляется крайне опаснымъ. Поэтому, необходимо

немедля же разрѣшить вопросъ о продленіи полномочій нынѣшняго состава Государственной Думы внѣ зависимости отъ ея дѣйствій, ибо самое условіе, которое ставится правительствомъ о томъ, что полномочія могутъ быть продлены лишь въ случаѣ сохраненія спокойствія Государственной Думы, является само по себѣ оскорбительнымъ, такъ какъ оно доказываетъ, что правительство не только не нуждается, но даже не интересуется правдивымъ и искреннимъ мнѣніемъ страны. Такую мѣру продленія полномочій во время войны признали естественной и необходимой наши союзники.

Колебанія же принятія такой мѣры нашего правительства, равнымъ образомъ, какъ и отсрочка принятія этой мѣры, порождаетъ убѣжденіе, что именно въ моментъ мирныхъ переговоровъ правительство не желаетъ быть связаннымъ съ народнымъ представительствомъ. Это, конечно, вселяетъ еще большую тревогу, ибо страна окончательно потеряла вѣру въ нынѣшнее правительство.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, никакія героическія усилія, о которыхъ говорилъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, предпринимаемая Предсѣдателемъ Государственной Думы, не могутъ заставить Государственную Думу итти по указкѣ правительства, и едва ли Предсѣдатель, принимая для этого со своей стороны какія либо мѣры, былъ бы правъ и передъ народнымъ представительствомъ и передъ страной. Государственная Дума потеряла бы довѣріе къ себѣ страны и тогда, по всему вѣроятію, страна, изнемогая отъ тяготъ жизни, въ виду создавшихся неурядицъ въ управленіи, сама могла бы стать на защиту своихъ законныхъ правъ. Этого допустить никакъ нельзя, это надо всячески предотвратить и это составляетъ нашу основную задачу.

Предсѣдатель Государственной Думы
Михаиль Родзянко.

10 февраля 1917 года.